

Научная статья

УДК 811.11-112

DOI 10.52070/2542-2197_2023_6_874_9

Модальные значения немецкого глагола *können* и русского *мочь* в различных типах контекстов

А. В. Аверина

Московский государственный областной педагогический университет

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

Anna.averina@list.ru

Аннотация. В статье получают описание контекстуальные условия, влияющие на интерпретацию модальных значений глагола *мочь* в русском и *können* в немецком языке. Посредством использования метода контекстуального анализа, описательного и трансформационного методов показано, что на переходность модальных значений оказывают влияние такие параметры, как активность / пассивность семантического субъекта, вид глагола, временная перспектива и использование соответствующих лексических показателей.

Ключевые слова: алетическая модальность, эпистемичность, деонтичность, вид, время

Для цитирования: Аверина А. В. Модальные значения немецкого глагола *können* и русского *мочь* в различных типах контекстов // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 6 (874). С. 9–17. DOI 10.52070/2542-2197_2023_6_874_9

Original article

Modal Meanings of the German Verb *Können* and the Russian *Moč* in Different Types of Contexts

Anna V. Averina

Moscow Region State Pedagogical University

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

Anna.averina@list.ru

Abstract. The article describes contextual conditions which influence the interpretation of the modal meanings of the verb *moč* in Russian and *können* in German. By the usage of the method of contextual analysis, descriptive and transformational methods, it is shown that the transitivity of modal meanings is influenced by such parameters as the activity/passivity of the semantic subject, the type of verb, temporal perspective and the use of appropriate lexical indicators.

Keywords: alethic modality, epistemicity, deonticity, aspect, tense

For citation: Averina, A. V. (2023). Modal Meanings of the German Verb *können* and the Russian *moč* in Different Types of Contexts. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 6(874), 9–17. DOI 10.52070/2542-2197_2023_6_874_9

ВВЕДЕНИЕ

В центре внимания данной публикации – синкретичность значений модальных глаголов – немецкого *können* и русского *мочь* в, т. е. способность этих слов кодировать различные виды модальности: речь пойдет о деонтичности (долженствовании), алетичности (потенциальной возможности), эпистемичности (предположении), субъективной эвиденциальности (инференциальности: говорящий описывает ситуацию на основе собственного логического вывода или собственного восприятия [Козинцева, 2000, Соска, 2021]) и диспозиционной модальности (разрешение осуществления действия).

В круг задач статьи входит:

1) показать специфику алетического модального значения как базового;

2) описать условия перехода алетического значения в деонтическое, диспозиционное, субъективно-эвиденциальное и эпистемическое.

Решение обозначенных задач позволит объяснить причины трансформации базового модального значения в производное.

Вопросам модальности посвящено большое количество работ. Теоретической базой исследования послужили научные труды В. Абрахама, Г. Дивальда, Э. Лайсса, М. Л. Котина.

В. Абрахаму удалось показать, что корневая (деонтическая) модальность соотносится с перфектностью, некорневая – с имперфективностью глагола [Abraham, 2013].

Несомненной заслугой Г. Дивальда можно считать формулировку концепции модального дейктика: значение эпистемической модальности относится к сфере дейктической модальности, поскольку она отражает нефактичность ситуации; деонтическая и волитивная модальность представляют собой пропозитивные значения и не являются дейктичными модальными значениями [Diewald, 1991; Diewald, 1999; Diewald, 2013]. Их свойство заключается в представлении ситуации как фактической.

М. Л. Котин показывает, что значения, передаваемые модальными глаголами в немецком языке, способны кодировать глаголы совершенного вида в русском языке [Котин, 2018]. Важно наблюдение М. Л. Котина о модальном потенциале, заложенном в семантике дательного падежа [Kotin, 2021]. Оно подвело автора публикации к мысли о том, что активность / пассивность субъекта влияет на выбор модального маркера. Так, например, для того чтобы показать, что необходимость осуществления действия осознается субъектом, в немецком языке используют модальный глагол *müssen*, а в русском – модальный предикатив быть должным, сравним:

(1) *Ich muss mich zurückhalten, nicht nach den Münzen zu greifen*¹. – Я должен себя сдерживать, чтобы не брать монеты².

(2) Я должен делать всё, чтобы спасти больного³.

Если же необходимость осуществления действия исходит со стороны, а семантический субъект вынужден подчиниться обстоятельствам, то в языке используют иные средства. В русском языке для передачи данного значения служит слово категории состояния *нужно* с дательным субъекта, в немецком – модальный глагол *sollen*:

(3) *Später hat er mir gemailt, ich solle meine Berufswahl überdenken*⁴. – Позже он мне сообщил по электронной почте, мне надо переосмыслить выбор профессии.

(4) Я совсем забыла! Мне надо быть дома! Это срочно!⁵

Активность / пассивность субъекта влияет и на интерпретацию модальных значений, которые, как правило, закреплены за тем или иным модальным показателем. Существует потребность в описании влияния персональности, актуальности и темпоральности на вид кодируемого модальным маркером значения. Этим и определяется **актуальность** проводимого исследования.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В качестве материалов исследования послужили примеры, отобранные из Национального корпуса русского языка (НКРЯ)⁶, немецких корпусов *Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache. Korpora (DWDS)*⁷ и *DECOW 16A*⁸. Всего было отобрано и проанализировано свыше 200 примеров. В процессе анализа были использованы метод контекстуального анализа, описательный и трансформационный методы.

¹URL: <https://www.dwds.de>

²Зд. и далее перевод автора.

³URL: <http://www.ruscorpora.ru/>

⁴URL: <https://www.dwds.de>

⁵URL: <http://www.ruscorpora.ru/>

⁶Там же

⁷URL: <https://www.dwds.de>

⁸URL: <https://www.webcorpora.org/>

ВЛИЯНИЕ ГРАММАТИЧЕСКИХ ПАРАМЕТРОВ И КОНТЕКСТУАЛЬНОГО ОКРУЖЕНИЯ НА ИНТЕРПРЕТАЦИЮ МОДАЛЬНЫХ ЗНАЧЕНИЙ ГЛАГОЛА *KÖNNEN* И *MOCH*

Идея о том, что алетическая модальность выступает в роли базы модальных значений, принадлежит Э. Лайсс [Leiss, 2008]. Ей удается показать, что алетичность, выраженная модальным глаголом *können* в немецком языке, занимает промежуточное положение между эпистемическим (некорневым) и деонтическим (корневым) модальными значениями: «The approach favoured here is to label those modals as alethic modals which allow for deontic as well as for epistemic readings. There is some first evidence that alethic modals are underspecified modals which include a whole range of modal meanings in a nutshell» [там же, с. 22–23] (*Предпочитаемый подход заключается в том, чтобы обозначить эти модальные показатели как алетические, допускающие как деонтическое, так и эпистемическое прочтение. Очевидно, что показатели алетической модальности являются неспецифическими, включающими целый спектр других модальных значений*).

Э. Лайсс обращает внимание на еще одно уникальное свойство показателей алетичности: глагол *können* в немецком, *can* в английском или восходящий к славянскому этимону *mogti* глагол *мочь* в русском не привносят в высказывание каких-либо дополнительных смысловых компонентов. По всей видимости, с этого модального значения начинается развитие других модальных значений. Неоднозначность интерпретации высказываний с ним Э. Лайсс демонстрирует на следующем примере:

- (5) He can win the swimming contest. – Он может выиграть соревнования по плаванию.

Данное предложение может получить трактовку и как объективированное, и как субъективированное. Однозначно деонтическую интерпретацию предложение данного типа получает в том случае, если в центре внимания говорящего объективные обстоятельства, например:

- (6) He is in condition to win the swimming contest [там же, с. 22]. – Он в состоянии выиграть соревнования по плаванию.

Эпистемическое значение прослеживается в высказываниях, в которых субъективная оценка событий предшествует изложению фактов, например:

- (7) I suppose, he is able to win the swimming contest [там же]. – Я полагаю, что он в состоянии победить на соревнованиях по плаванию.

Схожие наблюдения находим и в работе Т. В. Булыгиной и А. Д. Шмелева – в частности, они обращают внимание на внутреннее сходство алетического и эпистемического значений [Булыгина, Шмелев, 1997]. Алетическая модальность предполагает указание на потенциальную возможность существования факта в действительности, например:

- (8) Если человек остается один, – снова подумал Филька, – то он, конечно, *может* попасть на плохую дорогу: он *может* бегать по следам, как собака, и прыгать через забор, и, как лиса, подглядывать из-за кустов за другими¹.

Эпистемическая возможность служит для отражения позиции говорящего: он дает оценку степени вероятности описываемого положения дел, указывая на нефактичность ситуации, например:

- (9) *Наверное*, авторы имели в виду, что звуки нельзя записать на бумаге так же, как мы записываем буквы².

Алетическая возможность, в отличие от эпистемичности, не зависит от установки говорящего и временных параметров. Проводя разграничение алетичности и эпистемичности, Т. В. Булыгина и А. Д. Шмелев вводят в обиход термин «онтологическая возможность» и «эпистемическая возможность». Онтологическая возможность имеет вневременной характер, в то время как эпистемическая возможность касается оценки говорящим степени вероятности факта в прошлом, настоящем или будущем [там же, с. 210].

К алетическим значениям можно отнести и значение, связанное со способностью субъекта осуществлять какое-либо действие, например:

- (10) Вы хотите с ней поговорить? – А она уже может говорить? – Немножко может, – улыбнулся врач³.

- (11) Und er *kann* mich trösten, wenn ich traurig bin⁴. – И он может меня утешить, если я грущу.

¹URL: <http://www.ruscorpora.ru/>

²Там же

³Там же

⁴URL: <https://www.dwds.de>

В зарубежной лингвистической традиции выделяют еще и значение диспозиционной модальности [Kotin, 2012]. В этнопсихологическом словаре В. Г. Крысько термин «диспозиция» получает следующую трактовку: это готовность, субъекта к осуществлению определенного действия в ряду других действий [Крысько, 1999]. Применительно к лингвистике речь идет о ситуации, в которой допустима реализация определенных действий, т. е. разрешено их осуществление, например:

- (12) Er *durfte* nach Deutschland *ausreisen*, da die Staatsanwaltschaft auf Auflagen verzichtete¹. – Ему можно было выехать в Германию, так как органы управления отказались отдавать распоряжения'
- (13) Сердится. Ему можно: он наш команданте. Внимательно выслушивает мой рапорт, переспрашивает про мост².

Остановимся подробнее на вопросе о том, при каких условиях маркеры базовой алетической модальности – глагол *können* в немецком языке и глагол *мочь* в русском – получают интерпретацию как показатели эпистемической, субъективно-эвиденциальной, деонтической и диспозиционной модальности.

Значение диспозиционной модальности может быть передано глаголами *können* и *мочь*, если в предложении присутствуют темпоральные маркеры, указывающие на момент времени, когда субъект готов приступить к реализации определенных действий:

- (14) Nun haben wir ja von archäologischen Funden erfahren, die möglicherweise im Zusammenhang mit der Schlacht stehen. Aber wir *können jetzt schon* die Prognose wagen: Das wird die Kritiker nicht umstimmen³. – И теперь мы узнали об археологических находках, которые могут быть связаны с битвой. Но прогноз мы можем дать уже сейчас – это не изменит отношение критиков к нам.
- (15) Schwester Agnes hat erlaubt, ihr *könnt morgen* reinkommen, wenn ihr uns abholt⁴. – Сестра Агнес разрешила, вы можете зайти завтра, если приедете за нами.

- (16) Что касается вас, то вы *можете уже сейчас* уйти в свободную зону, где вы получите уже сейчас то, что хотите здесь⁵.

Как видно из приведенных высказываний, модальный показатель *können* / *мочь* обозначает возможность осуществления действий в определенный момент времени. В качестве дополнительных средств указания на разрешение осуществлять действия можно считать завершенность действий в предыдущем предложении, т. е. действия представлены в их последовательности. Определенную роль играют и лексические маркеры, содержанием которых является значение позволения или допущения в определенной ситуации. Например: *Nun haben wir ja von archäologischen Funden erfahren* (И теперь мы узнали об археологических находках) в (14); *Schwester Agnes hat erlaubt* (сестра Агнес разрешила) в (15); *что касается вас* в (16) и т. д. Если опустить эти показатели, то в высказывании будет проследиваться значение алетической модальности, поскольку на первый план уже выходит значение «способность субъекта осуществлять определенные действия», например:

- (14') [...] wir *können* die Prognose machen [...] – Мы можем дать прогноз (= мы способны дать прогноз).
- (15') [...] ihr *könnt* reinkommen [...] – вы можете зайти (= вы способны зайти).
- (16') [...] вы *можете* уйти [...] (= вы способны уйти).

Интерпретация модального показателя *können* / *мочь* зависит не только от показателей времени, но и от аспектуальных характеристик предикатов. Если русский глагол *мочь* имеет форму совершенного вида в прошедшем или будущем времени, то в высказывании всегда находит реализацию алетическое значение, например:

- (17) Это гениальные и талантливые актеры, которые *смогли* передать характеры, эмоции и чувства своих героев на все 200 процентов!⁶
- (18) В январе 2005 года маленькие пациенты *смогут* обследоваться на компьютере⁷.

¹URL: <https://www.dwds.de>

²URL: <http://www.ruscorpora.ru/>

³URL: <https://www.dwds.de>

⁴URL: <https://www.dwds.de>

⁵URL: <http://www.ruscorpora.ru/> Зд. и далее перевод наш. – А. А.

⁶Там же

⁷Там же

В немецком языке ввиду отсутствия морфологически выраженной в глаголе категории вида в предложениях с *können* в форме прошедшего времени может быть передано алетическое значение (19) или семантика инференциальной эвиденциальности (20), ср.:

- (19) 2.000. Euro lachste ein bislang unbekannter Täter am vergangenen Freitagnachmittag einer betagten Dame (85) mit einem Trick ab. Er *konnte* unerkannt verschwinden¹. – До сих пор не найденный преступник хитростью стащил в прошлую пятницу у одной пожилой дамы (85) 2.000 Евро. Ему удалось исчезнуть неопознанным.
- (20) Aber er *konnte* Müller und Bäcker dennoch überlisten, da er nämlich einen Sack Getreide kaufte, ihn in seiner eigenen Handmühle und das Mehl dann Shrowl zum Brotbacken übergab². – Но он все же мог и перехитрить мельника и пекаря, так как он купил мешок зерна, перемолол его и передал его Шроулу для выпечки хлеба.

Значение инференциальной эвиденциальности в (20) возникает благодаря тому, что приведенные в главном предложении доводы говорящего базируются на его умозаключении. Модальные значения определяет в данном случае контекст. Субъективно-эвиденциальное значение может быть передано и русским глаголом *мочь* в форме несовершенного вида в прошедшем времени. Его возникновение также обусловлено контекстом, в рамках которого находят реализацию причинно-следственные отношения. Предложение с модальным показателем *мочь* указывает на следствие, последующее высказывание – на причину, например:

- (21) Кто его знает: *мог* и обознаться Демьян, *мог* и солгать, – от него станет³.

В (21) *от него станет* можно рассматривать как антецедент, т. е. то, что позволяет объяснить позицию говорящего в первой части высказывания. Значение инференциальной эвиденциальности возникает также благодаря слову *и*, выступающему в функции частицы.

В предложениях с глаголом *können* / *мочь* в форме настоящего времени могут быть переданы алетическое, эпистемическое или субъективно-эвиденциальное значения. В определенной

степени это зависит от аспектуальных свойств формы Infinitiv. Если Infinitiv представлен глаголами, обозначающими повторяющиеся, многократные способы действия (например, *сживать*, *едать*, *переговариваться* и т. д.) или длительные, выраженные глаголами несовершенного вида, то в высказывании преимущественно передается алетическое значение (22). Если Infinitiv представлен глаголами, обозначающими однократные завершённые действия (например, *накупить*, *крикнуть* и т. д.), то в высказывании преобладает эпистемическое или субъективно-эвиденциальное (23, 24). В немецком языке на интерпретацию модального значения влияет тип инфинитива: форма Infinitiv II всегда маркирует эпистемическое значение модального глагола (25), в то время как Infinitiv I – алетическое (26):

- (22) Девичник *мог* иметь разную продолжительность: у богатых – до двух недель, у невест победнее – до недели⁴.
- (23) Он *мог* в свое рабочее время заехать домой и помочь, тем более он и Ирине в ее ларьке понадобился⁵.
- (24) Если Земля разваливается, он вполне *мог* улететь на камне⁶.
- (25) Ja, er *kann* sich bei deiner Tochter *angesteckt haben*⁷. – Да, он мог заразиться у твоей дочери.
- (26) Er *kann* sich eine Allianz auch mit anderen Verbänden im Norden *vorstellen*⁸. – Он может себе представить альянс с другими объединениями на севере.

Данная закономерность в русском языке не носит абсолютный характер: алетическое значение может возникать и в том случае, если имеет место сочетание глагола *мочь* в форме прошедшего времени с формой инфинитива глагола совершенного вида:

- (27) Единственное, что я *мог* *сделать*, – под собственную ответственность снять национальную со стартов⁹ (= на что я был способен).

¹URL: <https://www.webcorpora.org/>

²URL: <https://www.webcorpora.org/>

³URL: <http://www.ruscorpora.ru/>

⁴URL: <http://www.ruscorpora.ru/>

⁵Там же.

⁶Там же.

⁷URL: <https://www.webcorpora.org/>

⁸Там же.

⁹URL: <http://www.ruscorpora.ru/>

В ряде случаев довольно сложно увидеть разницу между алетическим и эпистемическим значениями. В этой связи М. Хундт справедливо отмечает, что предложение типа *Möglicherweise regnet es heute* (Возможно сегодня будет дождь) может получить двоякую интерпретацию: как несущее алетическую семантику и как содержащее эпистемическое значение [Hundt, 2003, с. 352]. Различия между первым и вторым видом модальных значений он видит в том, что алетическая модальность представляет собой ассерцию, или утверждение, а эпистемическая — предположение. В первом случае предложение может быть парафразировано следующим образом: *Я как говорящий утверждаю, что следующий факт имеет место*. Во втором случае парафраза имеет иной вид: *Я как говорящий считаю возможным, что следующий факт имеет место* [там же, с. 375]. Для того, чтобы определить вид передаваемого модального значения, можно использовать прием трансформации и проанализировать возможность использования модального маркера в придаточном объектном при фактивном предикате главного предложения [Averina, 2020]. Если это возможно, то модальный показатель следует отнести к алетическим (недейктическим) (28'), если нет — к эпистемическим или субъективно-эвиденциальным (дейктическим) (28''), (28'''), поскольку показатели нефактивности в объектном придаточном не могут находиться в скопусе фактивного предиката, сравним:

(28) Она лжет, что не была в Петербурге!¹

(28') Она лжет, что не смогла побывать в Петербурге.

(*28'') Она лжет, что возможно не была в Петербурге.

(*28''') Она лжет, что могла быть в Петербурге.

Как видно из приведенных высказываний, использование глагола *мочь* в форме совершенного вида в придаточном объектном допустимо (28'), в то время как глагол *мочь* в форме несовершенного вида (28''') вряд ли может иметь место, как и модальное слово *возможно* (28''). Данная закономерность позволяет говорить о том, что модальный глагол *мочь* в русском языке в форме совершенного вида кодирует алетическое модальное значение, в форме несовершенного вида — субъективно-эвиденциальное или эпистемическое. В свою очередь, данное наблюдение подтверждает идею В. Абрахама и Э. Лайсса о соотношении

перфектности с корневой, или недейктической модальностью, и неперфектности — с некорневой модальностью [Abraham, 2013; Leiss, 2008].

Деонтическое значение можно рассматривать как производное от алетического. Так, высказывания, выстроенные по схеме «невозможность + инфинитив» могут выражать деонтическую семантику [Булыгина, Шмелев, 1997], т. е. значение долженствования. Это допустимо в предложениях с отрицанием с формой настоящего, прошедшего и будущего времени, например:

(29) *He могу не сказать* и о сюжете² (= мне надо сказать о сюжете).

(30) Он *не сможет не согласиться*, иначе потеряет все³ (= ему надо будет согласиться, иначе он потеряет все).

(31) Ну а если клинкой тут не пахнет, то настоящий писатель и должен быть графоманом: он *не может не писать*, и в этом его призвание⁴ (= ему надо писать, и в этом его призвание).

(32) И как серьезный актер он *не смог не согласиться*⁵ (= и как серьезному актеру ему придется согласиться).

Аналогичную ситуацию можно проследить и в немецких высказываниях с глаголом *können* — исключение составляет лишь использование одного отрицательного слова, в то время как для русского языка в большинстве случаев употребляются двойное отрицание:

(33) *Er konnte nicht anders*, er war ein Gejagter, sagt Gelles⁶. — Он не мог иначе, его преследовали.

(34) *Ich kann nicht zurück mit leeren Händen*, sagt er⁷. — Я не могу вернуться с пустыми руками.

(35) *Er kann nicht schweigen*, reden ist — gerade in der Not — seine beste Therapie⁸. — Он не может молчать, говорить — особенно в беде — для него лучшая терапия.

²Там же

³Там же

⁴Там же

⁵Там же.

⁶URL: <https://www.dwds.de>

⁷Там же.

⁸Там же.

¹URL: <http://www.ruscorpora.ru/>

**ИНТЕРПРЕТАЦИЯ МОДАЛЬНЫХ ЗНАЧЕНИЙ ГЛАГОЛА *KÖNNEN* И *МОЧЬ* В ЗАВИСИМОСТИ
ОТ ГРАММАТИЧЕСКИХ ПАРАМЕТРОВ И КОНТЕКСТУАЛЬНОГО ОКРУЖЕНИЯ**

Модальные значения, передаваемые глаголом <i>können</i> в немецком и <i>мочь</i> в русском языке	Влияние грамматических параметров на вид модального значения, передаваемого глаголом <i>können</i> в немецком и <i>мочь</i> в русском языке
Базовое значение	
Алетическое значение	Отсутствие временной референции совершенный вид глагола <i>мочь</i> (рус.) преобладание глаголов повторяющихся или длительных способов действия в функции инфинитива
Производные значения	
Диспозиционное значение	Употреблены временные маркеры, указывающие на момент времени, когда субъект готов приступить к реализации определенных действий
Деонтическое значение	Рус.: отрицание + глагол <i>мочь</i> + инфинитив Нем.: <i>können</i> + отрицание + <i>Infinitiv</i>
Эпистемическая модальность	Сочетание глагола <i>können</i> в сочетании с формой <i>Infinitiv II</i> (нем.); использование глаголов однократного способа действия в функции инфинитива (рус.)
Инференциальная эвиденциальность	Использование в последующем контексте обоснования для высказываний с глаголом <i>können</i> / <i>мочь</i> ; преобладание в функции инфинитива глаголов однократного способа действия или глаголов в форме совершенного вида

- (36) Aber er wird wieder hundert Prozent geben, er *kann nicht anders*¹. – Но он снова даст сто процентов, он не может иначе.

Маркер алетической модальности *können* в сочетании с отрицанием передает долженствование, т. е. деонтическую модальность: говорящий указывает на то, что в сложившейся ситуации ему необходимо поступить определенным образом. В данном случае можно говорить о пассивной роли субъекта предложения: он не способен поступить иначе либо в силу внешних обстоятельств, внутренних убеждений или ввиду особенностей своего положения. Соответственно, такой параметр, как пассивность субъекта, делает возможным переход от алетической модальности как базовой к деонтической (корневой, дейктической).

Таким образом, идея Э. Лайсс о том, что алетическую модальность можно рассматривать как промежуточное звено между эпистемическим (дейктичным) и деонтическим / диспозиционным (недейктичным) значениями, вполне справедлива [Leiss, 2008]. Анализ фактического материала показывает, что переходность модального

значения, передаваемого алетическими показателями, зависит от временных, аспектуальных параметров, от выполняемой субъектом семантической роли, а также от контекста. Переход алетического значения к деонтическому определяет пассивная роль субъекта: семантический субъект не способен поступать иначе ввиду сложившихся обстоятельств и вынужден осуществлять определенные действия в соответствии с положением дел. Переход алетического значения к диспозиционному обусловлен использованием временных показателей или лексических маркеров, посредством которых обозначается последовательность действий. Алетическое значение всегда имеет место в том случае, если глагол *мочь* имеет форму совершенного вида, в остальных случаях возможно и эпистемическое толкование данного глагола. Значение инференциальной эвиденциальности возникает в том случае, если предложение с модальным глаголом *können* / *мочь* содержит указание на следствие, а в последующем предложении содержится причина. В систематизированном виде зависимость вида модального значения, передаваемого глаголом *können* в немецком и *мочь* в русском языке, от контекстуального окружения представлена в таблице 1.

¹там же.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В работе были рассмотрены условия, при которых модальный глагол *können* в немецком языке и *мочь* в русском получают различную интерпретацию. Согласно позиции, принятой многими исследователями, базовым значением является алетичность. Данный тезис подтверждается эмпирическими данными: модальные показатели могут быть истолкованы и как маркеры эпистемичности, инференциальной эвиденциальности и при определенных условиях – деонтичности или диспозиционной модальности.

Показатели алетической модальности способны передавать значение пассивной деонтичности в сочетании с отрицанием и неопределенной формой глагола: говорящий или действующее

лицо находится в обстоятельствах, при которых он вынужден совершать определенное действие, играя при этом пассивную роль. В интерпретации значимым является временной и видовой параметры: совершенный вид русского глагола *мочь* в прошедшем или будущем времени дает только алетическое значение; использование временных показателей позволяет реализоваться диспозиционному или эпистемическому значениям. Инференциальная эвиденциальность проявляется в случае, если на уровне сложного предложения находят реализацию отношения причины и следствия.

В целом можно заключить, что переходность модальных значений обуславливают свойство активности / пассивности семантического субъекта, контекст и аспектуальные свойства предикатов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Козинцева Н. А. К вопросу о категории засвидетельствованности в русском языке: косвенный источник информации // Проблемы функциональной грамматики. Категории морфологии и синтаксиса в высказывании. СПб.: Наука, 2000. С. 226–240.
2. Socka A. Satzadverbien und Modalverben als Marker der Reportativität im Deutschen und im Polnischen. Reihe: Danziger Beiträge zur Germanistik. Bd. 60, 2021.
3. Abraham W. Deutsche Syntax im Sprachenvergleich. Grundlegung einer typologischen Syntax im Deutschen. Tübingen: Stauffenburg Verlag, 2013.
4. Diewald G. Deixis und Textsorten im Deutschen. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1991.
5. Diewald G. Die Modalverben im Deutschen. Grammatikalisierung und Polifunktionalität. Tübingen: Niemeyer Verlag, 1999.
6. Diewald G. Modus und Modalverben – Kategorisierungsoptionen im grammatischen Kernbereich der Modalität // Funktionen der Modalität. Berlin ; Boston: De Gruyter, 2013. S. 77–110.
7. Котин М. Л. Язык и время. Очерк теории языковых изменений. М.: Издат. дом ЯСК, 2018.
8. Kotin M. L. Der deutsche Dativ genealogisch und diachron. Eine Sprachwandelstudie über den dritten Fall // Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur. Bd. 143 Heft 1, 2021. S. 51–111.
9. Аверина А. В. Семантика безличных конструкций с дательным субъекта состояния в немецком и русском языках // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 15. №2. С. 569–575.
10. Leiss E. The silent and aspect-driven patterns of deonticity and epistemicity: A chapter in diachronic typology // Modality-aspect Interfaces. Implications and typological solutions, 2008. P. 15–42.
11. Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М.: Языки русской культуры, 1997.
12. Kotin M. L. Modalitäten // Zeitschrift des Verbandes polnischer Germanisten. Wydawnitwo Uniwersytetu Jagiellońskiego: Jagiellonian University Press, 2012. S. 140–158.
13. Крысько В. Г. Этнопсихологический словарь. М.: МПСИ, 1999.
14. Hundt M. Epistemische Modalität im Deutschen // Zeitschrift für germanistische Linguistik. 2003. # 31, S. 343–381.
15. Averina A. Nebensätze des Deutschen und des Russischen aus der Sicht ihrer Modalisierung: Tiefenstruktur und Semantik // Sprachwissenschaft. 2020. Bd. 45. №4. S. 425–471.

REFERENCES

1. Kozinceva, N. A. (2000). K voprosu o kategorii zasvidetel'stvovannosti v russkom yazyke: kosvennyj istochnik informacii = About the category of evidentiality in the Russian language: an indirect source of information. In Problemy funkcional'noj grammatiki. Kategorii morfologii i sintaksisa v vyskazyvanii. St. Peterburg: Nauka, 226–240. (In Russ.)

2. Socka, A. (2021). Satzadverbien und Modalverben als Marker der Reportativität im Deutschen und im Polnischen. Reihe: Danziger Beiträge zur Germanistik. Bd. 60. (In Germ.)
3. Abraham, W. (2013). Deutsche Syntax im Sprachenvergleich. Grundlegung einer typologischen Syntax im Deutschen. 3., erweiterte Auflage. Tübingen: Stauffenburg Verlag. (In Germ.)
4. Diwald, G. (1991). Deixis und Textsorten im Deutschen. Tübingen: Max Niemeyer Verlag. (In Germ.)
5. Diwald, G. (1999). Die Modalverben im Deutschen. Grammatikalisierung und Polifunktionalität. Tübingen: Niemeyer Verlag. (In Germ.)
6. Diwald, G. (2013). Modus und Modalverben – Kategorisierungsoptionen im grammatischen Kernbereich der Modalität. In Funktionen der Modalität. Berlin, Boston: De Gruyter. 77–110. (In Germ.)
7. Kotin, M. L. (2018). YAzyk i vremya. Ocherk teorii yazykovykh izmenenij = Language and time: a sketch of the theory of language changes. Moscow: Languages of Slavic cultures. (In Russ.)
8. Kotin, M. L. (2021). Der deutsche Dativ genealogisch und diachron. Eine Sprachwandelstudie über den dritten Fall. In Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur, 143, 1, 51–111. (In Germ.)
9. Averina, A. V. (2022). Semantics of impersonal constructions with subject of state in dative case in the German and Russian languages. Philology. Theory and Practice, 15(2), 569–575. (In Russ.)
10. Leiss, E. (2008). The silent and aspect-driven patterns of deonticity and epistemicity: A chapter in diachronic typology. In Modality-aspect Interfaces. Implications and typological solutions, 15–42. (In Germ.)
11. Bulygina, T. V., Shmelev, A. D. (1997). YAzykovaya konceptualizaciya mira (na materiale russkoj grammatiki) = Linguistic conceptualization of the world (based on the material of Russian grammar). M.: Languages of Slavic cultures. (In Russ.)
12. Kotin, M. L. (2012). Modalitäten. In Zeitschrift des Verbandes polnischer Germanisten. Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego: Jagiellonian University Press, 140–158. (In Germ.)
13. Krysko, V. G. (1999). Etnopsichologicheskij slovar' = Ethnopsychological dictionary. Moscow: MPSI. (In Russ.)
14. Hundt, M. (2003). Epistemische Modalität im Deutschen. In Zeitschrift für germanistische Linguistik, 31, 343–381. (In Germ.)
15. Averina, A. (2020). Nebensätze des Deutschen und des Russischen aus der Sicht ihrer Modalisierung: Tiefenstruktur und Semantik. Sprachwissenschaft, 45, 4, 425–471. (In Germ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Аверина Анна Викторовна

доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры германской филологии
Московского государственного областного педагогического университета
профессор кафедры грамматики и истории немецкого языка факультета немецкого языка
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Averina Anna Viktorovna

Doctor in Philology (Dr. habil.), Professor
Professor at the Department of German philology
Moscow Region State Pedagogical University
Professor at the Department of Grammar and History of German language
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	13.03.2023	The article was submitted
одобрена после рецензирования	17.03.2023	approved after reviewing
принята к публикации	20.04.2023	accepted for publication